

Григорий Марк. Среди вещей и голосов - Hermitage Publishers. Телави,
N.Y., 1995. 127 с.

Загадочность - предпосылка поэзии. Писание стихов есть угадывание, обнаружение небывших смыслов. Как их обнаружить, не знает никто. Но каждый пишущий стремится к этому. Если не к "отгадке", то, в любом случае, - к овладению возможностями, таящимися в поэтическом языке.

Стремится к этому и Григорий Марк. Что касается пресловутой "загадочности", он формально обеспечил ее себе псевдонимом, за которым скрыл свое подлинное обличье. Что мы знаем о нем? Лишь то, что содержится в его стихах. Он жив или живет в Петербурге - этот город как нахождение сопровождает его от ранних, еще неуверенных попыток стихотворчества (первый сборник "Гравер" был издан в Нью-Йорке в 1991 году) до более поздних, зрелых. Апокалиптические картины, сменяя одну другую, нагнетают ощущение "последнего времени", куда мы рухнули, словно в адскую пропасть.

Мой дряхлающий город засыпало синей золотою.
Это небо крошится на спины идущих с работы.
Камертоны решеток протяжно поют над землею.
И балтийская гниль набухает в груди, как мокрота.

Город Петербург и страна-Тюркославия ("без ислама и без православия") - такова география его стихов. И одновременно - повод для ужаса, иронии, горечи. Георгий Марк пишет, словно задыхается - торопливо и сбивчиво. Ему хочется договориться, сформулировать, высказать самое важное жуткое. Сидя в своей петербургской коммуналке, он видит одно - небывалый Распад. Он ощущает это как неизбежность, неотвратимость, всемедие.

Дым отечества падалью пахнет и тленiem.
Это страстные люди русского этноса
Белоглазою волчею стаей несметною
Свежий труп государства грызут в исступлении..

Но "вещи" и "голоса" Григория Марка - не чисто российского происхождения. В разговор поэта с читателем то и дело вмешивается его американский близнец лирический alter ego ("Двойник мой, бостонский профессор..."). Кто ему далека и странна наша российская "нассионарность". Взгляд автора становится тогда отстраненным, удивленным, холодным. Эти крайности, скорее, дополняют друг друга; изнутри они едины, ибо слиты в родном языке. Как будто испытывая наивное удивление перед еще неизысканными речевыми возможностями, Григорий Марк забывает вдруг про Бронзовый Всадник и Собор Атенеума Казанский. Увлеченный "бисерной игрой" в стихи (занятие, коему есть ~~есть~~ богатая традиция), он истово предается свободному версификаторству, и тогда рождается под его пером, скажем, «Слово о "Слове"» - озорная попытка переинчить наш многострадальный "памятник", изложив его своеобразным и, в общем, надуманным метаязыком ("недозаумь на емислоганке"). Эксперимент, надо сказать, не слишком удавшийся. Читаешь - и руками разводишь: что это ? "И в поход покундёхает воинко..." Впрочем, забавно. Да ведь и посения, всенравят, она и есть словотворчество !

Григорий Марк умен и изобретателен. Но - подвержен влиянию. Узнаются чужие интонации, подчас далекие, смутные. От русских классиков до Иосифа Бродского. И самые неожиданные. Читая, например, строки стихотворения "На черном небе вырезан квадрат..."

Шар облака на ниточке трубы
качается над сеткой проводов
Они идут. Опутаны их лбы
настырную мелодией без слов,

так и слышишь немецких экспрессионистов, оставшихся в нашей поэзии благодаря пастернаковским переводам. Сразу же вспоминаются "Демоны городов" Г. Гейма ("Сквозь тьму ночных городов / Они бредут, пригнувшись до земли..."). Искаженный, рваный, натуралистически грубый мир экспрессионистов родственен Григорию Марку, его жестоким безотрадным видениям.

Но при любых "голосах" и на любых "волнах", тем более иноzemных, поэт никогда не знает, о чем он пишет и на языке какой страны. Как бы ни соблазняться загадками поэтической речи, всегда провоцирующей поэта на поединок, - нельзя оторваться от начального, подсущенного опыта. Впечатление глубже, чем память; пережитое сильнее прочитанного. И когда - что случается редко! - оказывается однажды наедине с собой, без посторонних учителей и подсказчиков, тогда глухо и сплошь проборматываются разом уже настоящие, беспощадно угаданные, единственно возможные строки:

Слова мои - эски, колонной по-трое,
Шагают по мертвой земле на работу,
А сбоку и сзади, как вохра, конвоеем,
Казенные рифмы в тулупах добротных...

Нет, все-таки Григорий Марк - русский поэт!

K. A.